

Ф. М. Достоевский

Братья Карамазовы

Истинно, истинно говорю вамъ:
если пшеничное зерно, падши въ землю, не
умретъ, то останется одно; а если умретъ,
то принесетъ много плода.

(Евангеліе отъ Иоанна. Глава XII, 24.)

ОТЪ АВТОРА.

Начиная жизнеописаніе героя моего, Алексѣя Федоровича Карамазова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Федоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю что человѣкъ онъ отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбѣжные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ же замѣчательенъ вашъ Алексѣй Федоровичъ что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактovъ его жизни?

Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: "Можетъ-быть увидите сами изъ романа". Ну а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчательностью моего Алексѣя Федоровича? Говорю такъ потому что съ прискорбiemъ это предвижу. Для меня онъ примѣчательенъ, но рѣшительно сомнѣваюсь успѣю ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это пожалуй и дѣятель, но дѣятель неопределенный, не выяснившійся. Впрочемъ странно бы требовать въ такое время какъ нашѣ отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чудакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда все стремятся къ тому чтобы объединить частности и найти хоть какой-нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чудакъ же въ большинствѣ случаевъ частности и обособленіе. Не такъ ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ, и отвѣтите: "Не такъ", или "не всегда такъ", то я пожалуй и ободрюсь душомъ на счетъ значенія героя моего Алексѣя Федоровича. Ибо не только чудакъ "не всегда" частности и обособленіе, а напротивъ бываетъ такъ что онъ-то пожалуй и носить въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи — все, какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

Я бы впрочемъ не пускался въ эти весьма нелюбопытныя и смутныя объясненія и началъ бы просто-запросто безъ предисловія: понравится, такъ и такъ прочтуть; но бѣда въ томъ что жизнеописаніе-то у меня одно, а романовъ два. Главный романъ второй, — это дѣятельность моего героя уже въ нашѣ времена, именно въ нашъ теперешній текущій моментъ. Первый же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ, и есть почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ первой юности моего героя. Обойтись мнѣ безъ этого первого романа невозможно, потому что многое во второмъ романѣ стало бы непонятнымъ. Но такимъ образомъ еще усложняется первоначальное мое затрудненіе: если ужъ я, то-

есть самъ биографъ, нахожу что и одного-то романа можетъ-быть было бы для такого скромнаго и неопредѣленнаго героя излишне, то каково же являться съ двумя и чѣмъ объяснить такую съ моей стороны заносчивость?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшаюсь ихъ обойти безо всякаго разрѣшенія. Разумѣется прозорливый читатель уже давно угадалъ что я съ самаго начала къ тому клонилъ, и только досадовать на меня зачѣмъ я даромъ трачу безплодныя слова и драгоцѣнное время. На это отвѣчу уже въ точности: тратиль я безплодныя слова и драгоцѣнное время, впервыхъ, изъ вѣжливости, а во вторыхъ, изъ хитрости: "всестаки дескать заранѣ въ чемъ-то предупредилъ". Впрочемъ я даже радъ тому что романъ мой разбился самъ собою на два разказа "при существенномъ единстве цѣлага": познакомившись съ первымъ разказомъ, читатель уже самъ опредѣлить: стоитъ ли ему приниматься за второй? Конечно никто ничѣмъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ страницъ первого разказа, съ тѣмъ чтобы и не раскрывать болѣе. Но вѣдь есть такие деликатные читатели которые непримѣнно захотятъ до читать до конца чтобы не ошибиться въ беспристрастномъ сужденіи, таковы напримѣръ всѣ русскіе критики. Такъ вотъ предъ такими-то всестаки сердцу легче: несмотря на всю ихъ аккуратность и добросовѣтность все-таки даю имъ самый законный предлогъ бросить разкazъ на первомъ эпизодѣ романа. Ну вотъ и все предисловіе. Я совершенно согласенъ что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, то пусть и останется.

А теперь къ дѣлу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЕЙКИ.

I.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

Алексѣй Ѣедоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ помѣщика нашего уѣзда Ѣедора Павловича Карамазова, столь извѣстнаго въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминаемаго) по трагической и темной кончинѣ своей, приключившейся ровно тринацдцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажу объ этомъ "помѣщикѣ" (какъ его у насъ называли, хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ въ своесть помѣстья) лишь то что это былъ странный типъ довольно часто однако встрѣчающійся, именно типъ человѣка не только дряннаго и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго, — но изъ такихъ однако безтолковыхъ которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественные дѣлишки, и только кажется одни эти. Ѣедоръ Павловичъ, напримѣръ, началъ почти что ни съ чѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленький, бѣгалъ обѣдать по чужимъ столамъ, наровилъ въ прививальщики, а между тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста тысячъ рублей чистыми деньгами. И въ то же время онъ все-таки всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолковѣйшихъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще: тутъ не глупость; большинство этихъ сумасбродовъ довольно умно и хитро, — а именно безтолковость, да еще какая-то особенная, национальная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына, — старшій, Дмитрій Ѣедоровичъ, отъ первой супруги, а остальные два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Ѣедора Павловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода дворянъ Міусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно случилось что дѣвшка съ приданымъ, да еще красавая и сверхъ того изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ теперешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошломъ, могла выйти замужъ за такого ничтожнаго "мозгляка", какъ всѣ его тогда называли, объяснять слишкомъ не стану. Вѣдь зналь же я одну дѣвицу, еще въ запрошломъ "романтическомъ" поколѣніи, которая

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной любви къ одному господину, за котораго впрочемъ всегда могла выйти замужъ самыи спокойнымъ образомъ, кончила однакоже тѣмъ что сама навыдумала себѣ непреодолимыя препятствія и въ бурную ночь бросилась съ высокаго берега похожаго на утесь въ довольно глубокую и быструю рѣку и погибла въ ней рѣшительно отъ собственныхъ капризовъ, единственno изъ-за того чтобы походить на Шекспировскую Офелію и даже такъ что будь этотъ утесь, столь давно ею намѣченный и излюбленный, не столь живописентъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаическій плоскій берегъ, то самоубийства можетъ-быть не произошло бы вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать что въ нашей русской жизни, въ два или даже въ три послѣднія поколѣнія, такихъ или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мысли раздраженiemъ. Ей можетъ-быть захотѣлось заявить женскую самостоятельность, пойти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая фантазія убѣдила ее, положимъ на одинъ только мигъ, что Федоръ Павловичъ, несмотря на свой чинъ приживальщика, все-таки одинъ изъ смѣлѣйшихъ и наsmѣшилѣйшихъ людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда какъ онъ былъ только злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ томъ что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну. Федоръ же Павловичъ на всѣ подобные пассажи былъ даже и по социальному своему положенію весьма тогда подготовленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ бы то ни было; приматиться же къ хорошей роднѣ и взять приданое было очень заманчиво. Что же до обоянной любви, то ея вовсе кажется не было — ни со стороны невѣсты, ни съ его стороны, несмотря даже на красивость Аделаиды Ивановны. Такъ что случай этотъ былъ можетъ-быть единственнымъ въ своемъ родѣ въ жизни Федора Павловича, сладострастнѣйшаго человѣка во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго прильнуть къ какой угодно юпкѣ только бы та его поманила. А между тѣмъ одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особенного впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, totчасъ же послѣ увоза, мигомъ разглядѣла что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Несмотря на то что семейство даже довольно скоро примирилось съ событиемъ и выдѣлило бѣглankѣ приданое, между супругами началась самая беспорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Разказывали что молодая

супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности нежели Федоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подтибріль у нея тогда же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячи эти съ тѣхъ порь рѣшительно какъ бы канули для нея въ воду. Деревеньку же и довольно хороший городской домъ, которые тоже пошли ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого-нибудь подходящаго акта, и навѣрно бы добил-ся того изъ одного такъ-сказать презрѣнія и отвращенія къ себѣ которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобы отвязался. Но къ счастію вступило семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно что между супругами происходили нерѣдкія драки, но по преданію биль не Федоръ Павловичъ, а била Аделаида Ивановна, дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ она бросила домъ и сѣжала отъ Федора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ нищеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Федору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Федоръ Павловичъ мигомъ завель въ домѣ цѣлый гаремъ и самое забубненное пьянство, а въ антрахахъ ъздила чуть не по всей губерніи и слезно жаловался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причемъ сообщалъ такія подробности, которыя слишкомъ бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже лъстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженного супруга и съ прикрасами даже расписывать подробности о своей обидѣ. "Подумаешь что вы, Федоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы довольны несмотря на всю вашу горесть", говорили ему насмѣши. Многіе даже прибавляли что онъ радъ явиться въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усиленія смѣха, дѣлаетъ видъ что не замѣчаетъ своего комического положенія. Кто знаетъ, впрочемъ, можетъ-быть было это въ немъ и наивно. Наконецъ ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣдняжка оказалась въ Петербургѣ, куда перебралась со своимъ семинаристомъ и гдѣ беззаботно пустилась въ самую полную эманципацію. Федоръ Павловичъ немедленно захлопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ, — для чего? — онъ конечно и самъ не зналъ. Право можетъ-быть онъ бы тогда и поѣхалъ; но предпринявъ такое рѣшеніе тотчасъ же почелъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруги получилось извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то

вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по однимъ сказаніямъ отъ тифа, а по другимъ, будто бы съ голоду. Федоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говорять побѣжалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости воздѣвая руки къ небу: "нынѣ отпущаеши", а по другимъ плакалъ навзрыдъ какъ маленький ребенокъ и до того что говорять жалко даже было смотрѣть на него несмотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть что было и то и другое, то-есть что и радовался онъ своему освобожденію и плакалъ по освободительницѣ, все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II. Перваго сына спровадилъ.

Конечно можно представить себѣ какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человѣкъ. Съ нимъ какъ съ отцомъ именно случилось то что должно было случиться, то-есть онъ вовсе и совершенно бросиль своего ребенка прижитаго съ Аделаидой Ивановной, не по злобѣ къ нему или не изъ какихъ-нибудь оскорбленно-супружескихъ чувствъ, а просто потому что забыль о немъ совершенно. Пока онъ докучаль всѣмъ своими слезами и жалобами, а домъ свой обратилъ въ развратный вертепъ, трехлѣтняго мальчика Митю взялъ на свое попеченіе вѣрный слуга этого дома Григорій, и не позабочься онъ тогда о немъ, то можетъ-быть на ребенкѣ некому было бы перемѣнить рубашонку. Къ тому же такъ случилось что родня ребенка по матери тоже какъ бы забыла о немъ въ первое время, Дѣда его, то-есть самого господина Міусова, отца Аделаиды Ивановны, тогда уже не было въ живыхъ; овдовѣвшая супруга его, бабушка Мити, переѣхавшая въ Москву, слишкомъ расхvorалась, сестры же повышили замужъ, такъ что почти цѣлый годъ пришлось Митѣ пробыть у слуги Григорія и проживать у него въ дворовой избѣ. Впрочемъ еслибы папаша о немъ и вспомниль (не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не знать о его существованіи), то и самъ сослалъ бы его опять въ избу, такъ какъ ребенокъ все же мѣшалъ бы ему въ его дебоширствѣ. Но случилось такъ что изъ Парижа вернулся двоюродный братъ покойной Аделаиды Ивановны, Петръ Александровичъ Міусовъ, многіе годы сряду выжившій потомъ за границей, тогда же еще очень молодой человѣкъ, но человѣкъ особенный между Міусовыми, просвѣщенный, столичный, заграницный и притомъ всю жизнь свою Европеецъ, а подъ конецъ жизни либераль сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Въ продолженіе своей

карьеры онъ перебывалъ въ связяхъ со многими либеральнѣйшими людьми своей эпохи, и въ Россіи, и за границей, зналъ лично и Прудона и Бакунина и особенно любилъ вспоминать и рассказывать, уже подъ концемъ своихъ странствий, о трехъ дняхъ февральской Парижской революціи сорокъ восьмого года, намекая что чуть ли и самъ онъ не былъ въ ней участникомъ на баррикадахъ. Это было одно изъ самыхъ отраднѣйшихъ воспоминаній его молодости. Имѣль онъ состояніе независимое, по прежней пропорціи около тысячи душъ. Превосходное имѣніе его находилось сейчасъ же на выѣздѣ изъ нашего городка и граничило съ землей нашего знаменитаго монастыря, съ которымъ Петръ Александровичъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, какъ только получилъ наслѣдство, мигомъ началъ нескончаемый процессъ за право какихъ-то ловель въ рѣкѣ, или порубокъ въ лѣсу, доподлинно не знаю, но начать процессъ съ "клерикалами" почелъ даже своею гражданскою и просвѣщеніою обязанностью. Услышавъ все про Аделаиду Ивановну, которую разумѣется помнилъ и когда-то даже замѣтилъ, и узнавъ что остался Митя, онъ, несмотря на все молодое негодованіе свое и презрѣніе къ Федору Павловичу, въ это дѣло ввязался. Тутъ-то онъ съ Федоромъ Павловичемъ въ первый разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ что желалъ бы взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ разказывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговорилъ съ Федоромъ Павловичемъ о Митѣ, то totъ нѣкоторое время имѣль видѣ совершенно не понимающаго о какомъ такомъ ребенкѣ идетъ дѣло и даже какъ бы удивился что у него есть гдѣ-то въ домѣ маленькой сынъ. Если въ разказѣ Петра Александровича могло быть преувеличеніе, то все же должно было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно Федоръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдругъ проиграть предъ вами какую-нибудь неожиданную роль, и, главное, безо всякой иногда надобности, даже въ прямой ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ напримѣръ случаѣ. Чертъ эта впрочемъ свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и даже весьма умнымъ, не то что Федору Павловичу. Петръ Александровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (купно съ Федоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому что все же послѣ матери оставалось имѣніице, домъ и помѣстье. Митя дѣйствительно перѣѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но собственаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ онъ, едва лишь уладивъ и обеспечивъ свои денежныя полученія съ своихъ имѣній, немедленно поспѣшилъ опять надолго въ Парижъ, то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тетокъ, одной московской барынѣ. Случилось такъ что обжившись въ Парижѣ и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда на-

стала та самая февральская революция столь поразившая его воображение и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь. Московская же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной изъ замужнихъ ея дочерей. Кажется онъ и еще потомъ перемѣнился уже въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространяться не стану, тѣмъ болѣе что много еще придется рассказывать объ этомъ первенцѣ Федора Павловича, а теперь лишь ограничиваюсь самыми необходимыми о немъ свѣдѣніями безъ которыхъ мнѣ и романа начать невозможно.

Вопервыхъ, этотъ Дмитрий Федоровичъ былъ одинъ только изъ трехъ сыновей Федора Павловича, который росъ въ убѣжденіи что онъ все же имѣеть нѣкоторое состояніе и когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и молодость его протекли беспорядочно: въ гимназіи онъ не доучился, попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять выслужился, много кутиль и, сравнительно, прожилъ довольно денегъ. Сталь же получать ихъ отъ Федора Павловича не раньше совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Федора Павловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста объясняться съ нимъ насчетъ своего имущества. Кажется родитель ему и тогда не понравился; пробылъ онъ у него не долго и уѣхалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку насчетъ дальнѣйшаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопримѣчательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ отъ Федора Павловича такъ и не добился. Федоръ Павловичъ замѣтилъ тогда, съ первого разу (и это надо запомнить) что Митя имѣеть о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное. Федоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду свои особые расчеты. Онъ вывелъ лишь что молодой человѣкъ легкомысленъ, буйенъ, со страстями, нетерпѣливъ, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить и онъ хоть на малое время разумѣется, но totчасъ успокоится. Вотъ это и началъ эксплуатировать Федоръ Павловичъ, то-есть отдѣливаться малыми подачками, временными высылками и въ концѣ концовъ такъ случилось что когда, уже года четыре спустя, Митя, потерявъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ чтобы совсѣмъ ужъ покончить дѣла съ родителемъ, то вдругъ оказалось, къ его величайшему изумленію, что у него уже ровно нѣтъ ничего, что и сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю стоимость своего имущества у Федора Павловича, можетъ-быть еще даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то сдѣлкамъ въ которыхъ самъ